

Аполлонов Иван Александрович

**РОЛЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ОСМЫСЛЕНИИ ЗНАЧИМОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА)**

Статья раскрывает влияние толерантности на понимание человеком своей принадлежности к этносу. Проведённый анализ результатов эмпирического исследования взаимосвязи особенностей самопонимания этнокультурной идентичности и толерантности студентов показал существенные смысловые различия в кластерах ответов респондентов с высоким и низким уровнями толерантности. Выявленные различия определены осмыслением границ этничности, которые могут разворачивать национальное самосознание к поиску всеобщих вершин человеческого духа или же обособлять конкретные формы выражения этого духа. В контексте межетнической толерантности ценность человека превосходит значимость его национальных особенностей. Вместе с тем толерантность не противоречит чувству национальной гордости и патриотизму, а, напротив, выявляет в национальных формах культуры те грани, которые определяют достоинство человека как такового.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/1-1/2.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 16-21. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Байме К. Політичні теорії сучасності / пер. з нім. М. Култаєвої та М. Бойченка. К.: Стило, 2008. 396 с.
2. Бортников В. Особенности участия граждан в концептуальных моделях демократии // Политический менеджмент: наук. журн. 2007. № 3. С. 38-50.
3. Гражданское общество, правовое государство и право: круглый стол журналов «Государство и право» и «Вопросы философии» // Вопросы философии. 2002. № 1. С. 12-50.
4. Дидебашвили П. Г. Демократия и гражданское общество как специфический критерий прогресса общества // Человек постсоветского пространства: сб. мат. конф. / под ред. В. В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. Вып. 3. С. 227-236.
5. Кин Дж. Демократия и гражданское общество / пер. с англ.; послесл. М. А. Абрамова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 400 с.
6. Пляйс Я. А. «Суверенная демократия» – новый концепт «партии власти» // Демократия в современном мире: сб. ст. / сост., предисл. Я. А. Пляйс, А. Б. Шатилов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 109-122.
7. Стан та динаміка розвитку неурядових організацій України 2002-2011 роки: звіт за даними дослідження / Л. Паливода, С. Голота. К.: БФ «Творчий центр ТЦК», 2013. 118 с.
8. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Политология: хрестоматия / сост. М. А. Василюк, М. С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 273-292.
9. Bergan Sh. Civil Society and Collapse of the Weimar Republic // World Politics. 1997. Vol. 49. № 2. P. 401-429.

CIVIL SOCIETY AND DEMOCRACY: MUTUAL INFLUENCE SPECIFICITY

Andriichuk Tat'yana Sergeevna

Cabinet Office of Ukraine

andrtet@gmail.com

Democracy and civil society mutual connection and influence essence is researched in the article. The author pays attention to the conceptual versatility of civil society phenomenon and analyzes its role in democracy different models formation and democratization process development. The problem issues of the mutual influence of «young democracy» and civil society development in Ukraine are singled out, which, in the author's opinion, drag out political system democratization process.

Key words and phrases: democracy; democratization; civil society; civil society institutions; state.

УДК 165.24

Философские науки

Статья раскрывает влияние толерантности на понимание человеком своей принадлежности к этносу. Проведенный анализ результатов эмпирического исследования взаимосвязи особенностей самопонимания этнокультурной идентичности и толерантности студентов показал существенные смысловые различия в кластерах ответов респондентов с высоким и низким уровнями толерантности. Выявленные различия определены осмыслением границ этничности, которые могут разворачивать национальное самосознание к поиску всеобщих вершин человеческого духа или же обособлять конкретные формы выражения этого духа. В контексте межэтнической толерантности ценность человека превосходит значимость его национальных особенностей. Вместе с тем толерантность не противоречит чувству национальной гордости и патриотизму, а, напротив, выявляет в национальных формах культуры те грани, которые определяют достоинство человека как такового.

Ключевые слова и фразы: толерантность; этнокультурная идентичность; самопонимание; «социальная беременность»; культурная граница; национальная гордость; патриотизм; духовность.

Аполлонов Иван Александрович, к. филос. н., доцент
Кубанский государственный технологический университет
oblgo@yandex.ru

РОЛЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ОСМЫСЛЕНИИ ЗНАЧИМОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА)[©]

Работа подготовлена в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы. Проект «Проблема толерантности в контексте самопонимания этнокультурной идентичности студентами в условиях полиэтнического региона». Соглашение № 14.В37.21.1999 от 14.11.2012.

Со времён Аристотеля очевидной становится социальная природа человека. Суть этой природы – в изначальной неполноте, или, как сказал Платон, «половинности» отдельного человека: «Понятие самодостаточности мы применяем не к одному человеку, ведущему одинокую жизнь, но к человеку вместе с родителями

и детьми, женой и вообще всеми близкими и согражданами, поскольку человек по природе существо общественное» [2, с. 63], и для полноценной и счастливой жизни он испытывает «нужду в друзьях и добрых людях» [Там же, с. 259]. Социальная природа человека раскрывается не столько в фактической принадлежности его к тем или иным группам, а в тех связях, которые определяют полноту его существования и становятся неотъемлемыми свойствами личностного «Я». Одним из важнейших свойств такого рода является национальная принадлежность человека.

Определение самотождественности человека посредством этнокультурного предиката (то, что я есть я как, к примеру, русский) помещает меня в пространство этнических форм культуры. Онтологическим фундаментом такого пространства является существование моего народа, его «есть», фактичность принадлежности действительности. На уровне самосознания такой фундамент аккумулируется в чувстве «мы», в котором выражена фундаментальная очевидность моей принадлежности к этносу. В этом чувстве открывается экзистенциальная сторона социальной природы человека, суть которой в ощущении «половинности» себя как отдельной перцептивной данности, тогда как в причастности к «мы» открывается основание той бытийной полноты, которая позволяет обрести личностную самотождественность.

Вместе с тем фактичность этнического «есть» обладает имманентной ему жизненной правдой, поскольку само наличие такой фактичности представляет собой реализацию правильности этого «есть», его состоятельность как осуществление должностующего быть. В ракурсе этой правильности этническая общность представляется не столько совокупностью составляющих её членов, сколько родовой целостностью, которая присутствует в каждом этнофоре. И поэтому в ощущении этничности коренится важность причастности к чему-то большому, своему и поэтому интуитивно правильному, то есть обладающему большей силой и большим моральным авторитетом, нежели я и мои мнения. Такой моральный авторитет этнокультурной традиции представляет собой то особенное, вне которого невозможно сопряжение человека как индивида и человека в качестве родового признака, поскольку последний вне этого сопряжения остаётся пустой абстракцией. Тем самым в причастности к этносу человеку открывается первичный духовный горизонт человечности, правильности того, что должно быть. Подобное духовное единство этноса представляет собой определённое идейное содержание, определяющее его родовую целостность, которая позволяет человеку родиться во второй раз, уже как Человеку [4, с. 268]. Таким образом, этническую принадлежность человека можно рассматривать как лоно «социальной беременности», в котором происходит рождение его «второй природы».

Такое лоно составляют не только и даже не столько коды и алгоритмы жизнедеятельности, базирующиеся на культурных универсалиях, категориальных схематизмах восприятия мира и человека [7, с. 9-10], то есть то, что вырабатывает в человеке его культурные привычки, жизненные стандарты и очевидности мировосприятия: прежде всего, это именно идейное пространство этнических форм культуры как горизонта жизненной правды, в котором истинность сущего соединяется с той его правотой, которая по своей сути уже не совпадает ни с наличной данностью национального «есть», ни с действующими программами его долженствования. Причастность к такому пространству втягивает человека в диалог и экзегезу, раскрывающие смыслы тех форм «культурного кода», к которому он принадлежит и ощущает сущностную, генетическую связь. И в ходе такого диалога происходит утверждение личностной смысловой позиции человека, позволяющей ему самоопределиваться в горизонтах своего этнокультурного предиката и из носителя этнических свойств, «культурно закодированной» клеточки общественного организма, совокупности социальных отношений «родиться» в качестве субъекта этнического бытия, который способен это бытие оценивать, в том числе критически и даже нигилистически.

Вместе с тем нельзя не согласиться с Д. В. Пивоваровым, остерегающим от восхищения «духовностью вообще», поскольку духовность бывает истинной, квазиистинной и ложной, доброй, нейтральной или злой [6]. И в особой мере это относится к духу народа, одержимость которым способна обернуться разрушающими человечность (а порой и вполне реальных людей) формами национализма и ксенофобии. Поэтому в чувстве принадлежности к народу коренятся как глубокие нравственные основания, одухотворяющие человека, так и зёрна, разрушающие эти основания, уничтожающие человечность человека.

На наш взгляд, такие стороны связаны с самой природой духовной целостности народа, которая представляет собой, словами Ф. Шеллинга, «универсум в образе особенного» [9, с. 89] и поэтому, с одной стороны, устремлена к предельным, а потому – всеобщим вершинам человеческого духа, а с другой стороны, наоборот, обособляет, отграничивает конкретные формы реального выражения этого духа. Такое единство границ особенного и разрывающего эти границы устремления к всеобщему, абсолютному и составляет тайну жизни этнокультурной традиции. И экзегеза раскрывает эту тайну в тот или иной вектор, разворачивая в поиск совершенства их жизненной правды или сворачивая их в обособляющую замкнутость. Таким образом, экзегеза этнокультурных форм происходит на границах этих форм. И здесь формирование личностной позиции в осмыслении духовного содержания своего народа предполагает отношение к иноэтничным формам культуры и их носителям: «я» предполагает «мы», которое, в свою очередь, соотносится с «они». Поэтому самопонимание этнокультурной идентичности своей обратной стороной обращено к этнически Другому, являя определённую степень межэтнической толерантности. И именно толерантность является тем контекстом, в котором разворачиваются ценностные векторы осмысления человеком своей самотождественности в горизонтах этнокультурного предиката.

Примеры такой экзегезы, являющей личностную значимость этнокультурной идентичности, показывают проведённое эмпирическое исследование взаимосвязи особенностей самопонимания этнокультурной идентичности и толерантности у студентов полиэтнического региона [8]. Всего в нём приняло участие 250 студентов вузов г. Краснодара. Из общего числа респондентов 83% оказались русскими, а 17% – представители

адыгской, армянской, украинской и некоторых других национальностей, что в целом отражает этнический состав населения Кубани. Испытуемым было предложено в свободной форме ответить на вопрос: «Что для меня значит быть представителем моей национальности?», и параллельно они заполняли анкету, диагностирующую степень этнокультурной толерантности. Массив данных по этой анкете был подвергнут кластеризации методом К-среднего. В результате кластеризации были выделены два основных кластера испытуемых – с высоким и низким уровнем этнической толерантности. Первый кластер составили 119 человек (51 мужчина, 68 женщин); второй кластер составили 70 человек (39 мужчин, 31 женщина). Таким образом, проведенное исследование позволяет не только выделить те ценностные интенции, которые значимы для понимания собственной причастности этносу, но и сопоставить толерантный и интолерантный ракурсы осмысления этих ценностных интенций. Соответственно, можно увидеть ту сторону взаимосвязи этнокультурной идентичности и межэтнической толерантности, в которой они взаимоопределяют друг друга.

В осмыслении значимости национальной принадлежности можно выделить несколько взаимосвязанных смысловых блоков. Первый из них выражает ощущение собственной связи с народом. Прежде всего – это чувство причастности к своему народу как к некой целостности: «быть частью великого народа, его культуры, обычаев и устоев»; «являться частью большого культурного, многонационального, необычного народа, являться частью истории своей страны». В подобных ответах национальная принадлежность рассматривается в качестве того бытийного фундамента, с которым человек связывает реальность и подлинность собственного Я. Показательно, что чувство причастности к народу как наличному «Мы» («быть членом большой семьи, чувствовать себя ее частью»; «быть одним целым с людьми широкой души»), как правило, сопровождают указания на то общее (культура, история, традиции), что определяет единство и целостность этого «Мы», а поэтому, будучи родовым предикатом, определяет единство и целостность человеческого «Я». И ощущение такой сущностной родовой связи со своей национальностью тоже представлено в ряде ответов: «Я не знаю, как бы я отнеслась к тому, будь я другой национальности»; «...я не могу даже представить, что я была бы другой национальности»; «...быть русской до кончиков пальцев». Подобное чувство причастности к своему народу в равной мере присутствует в обеих выделенных группах респондентов и, соответственно, является тем зерном этнической идентичности, из которого может вырасти как толерантное, так и интолерантное отношение к людям других национальностей.

Интегральной стороной значимости национальной принадлежности является гордость за народ и страну. Здесь следует отметить, что результаты данного исследования, как и тех, что проводились ранее [1, с. 138-139], показывают, что русские респонденты (а их насчитывается 83% от общего числа респондентов) слабо дифференцируют этническую (собственно русские как этническая группа), национальную (русские как жители России, россияне, полиэтнические по своему составу) и гражданскую (русские как граждане России) идентичности. В сознании этих респондентов принадлежность к этносу, народу и государству представляет собой различные аспекты одного и того же целостного «Мы» и «наши», с которым связывается социальная сторона человеческого «Я». Респонденты других национальностей этническую и общероссийскую идентичности, как правило, различают. Но независимо от этого в чувстве гордости, которое носит во многом интуитивно-эмоциональный характер, выражена личностная значимость причастности к такой целостности как чему-то великому, превосходному, правильному. Так, в качестве предмета национальной гордости часто указываются подвиги предков, величие истории и культуры, красота обычаев.

В целом в ответах более чем четверти респондентов содержится прямое указание на это чувство. Причем подобное чувство испытывают респонденты независимо от степени толерантности. Более того, студенты с высоким уровнем толерантности отмечают это чувство даже чаще: 27,7% процентов ответов против 23,4% у респондентов с низким уровнем толерантности. Таким образом, сама по себе национальная гордость является вполне здоровым социальным чувством и не может рассматриваться в качестве фундамента интолерантности и ксенофобии. Векторы толерантности или же интолерантности связаны с личностным отношением к этому чувству, его смысловой наполненностью. И в этом контексте проведенное исследование позволяет сделать ряд интересных наблюдений.

У респондентов с низким уровнем толерантности чувство национальной гордости во многом сопряжено с подчеркиванием исключительности своего народа: «Я горжусь, что я русский, т.к. считаю эту нацию уникальной»; «...считаю, что принадлежность к русской национальности дает мне, моему развитию то, что недоступно остальным»; «...только русские люди имеют в себе статный, выдержанный, аристократический стержень».

Респонденты с высоким уровнем толерантности, напротив, указывают на неприемлемость деления людей по национальному признаку: «Я горжусь своей национальностью... но это не значит, что я разделяю людей по нациям, для меня главное то, какой сам человек, можно или нельзя доверять ему» (юноша, ингуш); «Разная национальность не должна быть дверью между людьми» (девушка, армянка); «в отношениях с друзьями, одноклассниками, родственниками я не выделяю национальности» (девушка, русская); «...другие национальности я не презираю и отношусь ко всем с уважением» (девушка, русская); «...нет плохих национальностей. В каждой национальности есть много хороших, добрых людей, но, к сожалению, достаточно и плохих» (девушка, адыгейка); «человек уважает и любит свою нацию, и это правильно, но дружить, общаться, взаимодействовать с людьми другой национальности считаю правильным и очень даже полезным» (девушка, адыгейка).

В приведенных ответах скрывается очень важная философская проблема, связанная с соотношением национального и общечеловеческого в социокультурной самоидентификации человека: видимая несовместимость чувства гордости, связанного с принадлежностью к своему народу, с одной стороны, и игнорирования национального признака в отношениях между людьми, с другой, а такая несовместимость может быть выражена в прямом противоречии: «вообще национальность не играет большой роли, ведь главное воспитание. Но я могу сказать, что я горжусь тем, что я русская», на деле различает два пласта в феномене личностной идентичности.

Первый из них, определяющий значимость принадлежности к народу, как отмечалось выше, «прорастает» из лона этнически окрашенных форм «социальной беременности» человека, где происходит его приобщение к духовным скрепам национального «мы», в причастности к которому я нахожу основание полноте моего «я». И такое приобщение к духовным основаниям жизни как в очевидных и привычных горизонтах её повседневных практик, культивирующих определённые добродетели (честность, порядочность, трудолюбие, ответственность и т.д.), так и в возвышенных поступках, обращённых к идеалам справедливости, добра и красоты, открывает духовный уровень в самом человеке, его «должен быть», рождает его человеческое достоинство. И чувство национальной гордости подчёркивает подобное достоинство, его бытийные основания, корнящиеся в причастности человеческого «я» к национальному «мы» его идейной заданности и духовной правде. При этом, как показано выше, полнота духовной правды обретается на границе, там, где национальные особенности теряют свою партикулярность, становясь гранью достоинств человека как такового.

Но если первый пласт обращает меня к реальности народа как единого целого, то второй пласт, напротив, утверждает реальность отдельного человека, фактическое наличие которого превосходит любую идейную предумышленность и, соответственно, превосходит границы национального, являя значимость себя как такового.

Таким образом, в обозначенном выше парадоксальном сочетании национальной гордости и вненационального отношения к другому человеку, которое присутствует в ответах студентов с высоким уровнем толерантности, граница национального раскрывается в два измерения, одинаково значимые для формирования личностной самотождественности: человечность как определённую идейную заданность и человека как определённую реальную данность.

Вместе с тем стоит отметить, что у студентов с высоким уровнем толерантности прослеживается и другая тенденция, связанная с разрушением границ национального, которая выражается в отрицании какого-либо значения своей принадлежности к этносу: «Я русская. Да ничего не значит!». В других ответах даётся развёрнутая аргументация подобной позиции: «Для меня это ничего не значит, т.к. национальность никак не влияет на человеческие качества. Я русская по национальности, и мне это не мешает в общении с другими национальностями. Я считаю, что все равны, и поведение и поступки никак не зависят от этого признака»; «Я считаю, что национальность не может повлиять на отношения людей в обществе. Главное быть гуманным, толерантным и с терпимостью относиться к разным религиям». При таком подходе межэтническая толерантность теряет свой смысл, поскольку межличностные отношения обращены к человеку как автономному индивиду при полном игнорировании его национальной принадлежности и соответствующей этнокультурной демаркации.

Однако в большинстве ответов, отрицающих значимость национальной принадлежности, всё же можно уловить определённую значимость «национального фона». Пафос такого отрицания направлен именно на отграничивающие людей национальные различия, их конфликтогенный потенциал: «...национальность не значит ничего такого, чтобы могло вызвать злость, агрессию и негатив к другим национальностям» (девушка, русская); «Лично я считаю свою национальность всего лишь формальностью. Зачем делить граждан страны по этому признаку?» (юноша, грузин). И поэтому оборотной стороной подобного отрицания является утверждение приоритета ценности человека именно в его человечности: «Она [национальность] не имеет значения, потому что все мы люди. Это главное. Просто всегда оставаться человеком» (девушка, русская).

Таким образом, в этих ответах сохраняется сочетание идейного горизонта человечности и человека со всеми его особенностями, в том числе и национальными, как реальной данности, которое характерно для описанного выше толерантного модуса чувства национальной гордости. И неявное присутствие «этнического фона» здесь связано с тем, что человечность человека имманентно несёт в себе важность воспитания: «национальность не играет большой роли, ведь самое главное – это воспитание, т.к. и русский, и армянин, и грузин – разной национальности, но это не значит, кто хуже, а кто лучше. У каждого – свое воспитание, поведение в обществе» (девушка, русская). Воспитание же главным образом связывается с семьёй. И здесь перед нами та же самая этничность (на это указывает и респондент), но на уровне микрогруппы: ведь семья справедливо рассматривается как своеобразный «стабилизатор» этноса (ведь более 90% браков носит этнически эндогамный характер), основной канал в передаче культурной информации [5, с. 54]. Высота человеческих качеств человека оправдывает и национальные особенности воспитавшего его народа, вызывает чувство межэтнического уважения: «Кто я по национальности для меня не имеет значения, главное, чтобы человек оставался человеком до конца, независимо от национальности. Я уважаю любой народ и религию» (девушка, русская).

Показательным примером подобного отношения к значимости этнокультурной принадлежности является следующий ответ: «Быть представителем моей национальности – это быть ее лицом. Мне не принципиально, какой бы я родилась. Я русская, но если бы я была грузинкой или дагестанкой... не имеет значения (подчёркнуто респондентом). Но раз уж я живу в России, то я должна показывать себя с лучшей стороны. Ведь, глядя на меня как на частичку общества, иностранцы делают собственные выводы о русской нации». В нём подчёркивается, с одной стороны, отсутствие этноцентризма, национальная эгалитарность, а с другой – человекообразующая важность этнического начала человека.

Вместе с тем в приведенном ответе открывается другая сторона значимости национальной идентичности, при которой респонденты рассматривают себя как субъекта этнонациональной общности. Подобное рассмотрение предполагает деятельностное отношение к своему народу, своей стране. Такое отношение выражено, прежде всего, в чувстве любви к Родине, патриотизме: «любить свою Родину, место, где я родилась. Это, прежде всего, почитать предков, традиции, которые присущи моему народу и в которых я выросла»; «отдавать все свои силы на защиту Родины, ее интересов во всех странах». Подобное чувство в равной степени отмечают респонденты как с высоким, так и с низким уровнем толерантности. Различие между этими кластерами

испытываемых прослеживается в направленности этой любви. Для респондентов с низким уровнем толерантности более характерна охранительно-защитная интенция, порой выраженная весьма эмоционально: «Я патриот своей страны. Люблю свою родину. Я воин, я встану на защиту своей Родины. Я русский – это не значит фашист. Я патриот – это не значит нацист. Родись на Руси! Живи на Руси! Умри за Русь!». Тогда как у респондентов с высоким уровнем толерантности преобладает стремление сделать Родину и народ лучше: «...стараться делать все ради дальнейшего процветания Родины!»; «Любить и помогать развиваться нашей могучей Державе»; «...я призываю всю молодежь заниматься спортом, я за здоровую нацию»; «...все русские должны вести здоровый образ жизни, самосовершенствоваться». Впрочем, мотив улучшения страны и народа присутствует и у респондентов с низким уровнем толерантности, но, как правило, он связан с отграничением «своего»: «Я патриот своей родины и хочу, чтобы она процветала. Я за чистоту расы русского народа»; «Быть русским – это жить в России, чтить ее традиции, пытаться изменить свою страну в лучшую сторону и затыкать рты всем, кто говорит о России плохо»; «Надо отстаивать права своей национальности, уважать свою культуру; не допускать в Россию чужеземцев и не позволять им отмечать свои праздники».

Подобное различие наглядно видно при сопоставлении двух ответов, в которых респонденты пытаются рассмотреть проблемность этнического настоящего. Первый из них принадлежит девушке с высоким уровнем толерантности: «С детства меня приучали патриотизму, любви к своей нации, вере. Я горжусь тем, что я русская. Конечно же, и другие нации достойные. Русский народ силен любовью к своей Родине, традициям, своим корням. У него замечательные традиции и обычаи. Но, к сожалению, сейчас русская культура (настоящая) уходит в прошлое, и молодое поколение отдаляется от своих корней». Девушка с низким уровнем толерантности отвечает следующим образом: «Лично я считаю, что для меня – это гордость быть представительницей своей нации. У нас очень богатая история, в ходе которой мы доказываем, что мы можем быть единым целым. Правда доказываем мы это очень редко и лишь в случаях когда «припечет». В то же время мне очень обидно за свой народ. С каждым годом мы деградируем в поведении, образовании, мышлении и т.д. Я считаю, это из-за того, что Россия перенимает вредные привычки у других народов вместо полезных (подчеркнуто респондентом). Это тот же алкоголизм, наркомания, проституция, курение. Несколько десятилетий назад мы даже не знали, что это такое. Если мы вовремя остановимся, то станем вновь крепким государством». В обоих ответах присутствует чувство национальной гордости, осознание собственной причастности к своему народу, причём в метафизическом смысле, как основанию укоренённости в мире, источнику духовного богатства и подлинности жизни. И обе девушки искренне переживают из-за девальвации этой духовности у своих современников. Однако во втором случае такая деградация связывается, прежде всего, с негативным внешним влиянием (это даже подчеркнуто респондентом), тогда как в первом ответе, наоборот, респондент указывает на достоинство других национальностей и причину недостатков своего народа видит в забвении собственной культуры, что, в контексте начала её ответа, связано с недостаточностью воспитания.

И здесь перед нами еще одна важная контент-единица, в которой осмысление значимости национальной идентичности происходит через значимость личностных качеств человека, которые он относит к национальному идеалу: «Быть адыгейкой для меня – это значит быть человеком чести, соблюдать обычаи и традиции... быть благородной и опрятной, справедливой и верной, обладать самыми высокими личными нравственными качествами»; «Для меня быть русской означает... быть понимающей, доброй, снисходительной, получить высшее образование и добиться каких-либо высот»; «Русский значит свободный, сильный, мужественный, гордый, образованный. Каждый получающий право называть себя русским должен ценить и уважать это право и стремиться соответствовать лучшим и великим людям нашей нации, коих было огромное количество, и только тогда он может с гордостью и полной ответственностью сказать: «Я – Русский»»; «Быть прекрасным духом и верой».

Стремление воплотить в себе лучшие качества народа присуще студентам вне зависимости от степени их этнической толерантности. Однако при этом можно отметить одну особенность. Респонденты с низким уровнем толерантности среди подобных качеств отмечают религиозную веру или же конфессиональную принадлежность (10 респондентов, или 15,6%), тогда как у респондентов с высоким уровнем толерантности подобные упоминания довольно редки (4 респондента, или 3,7%). Причём в последней группе один из респондентов веру противопоставляет этничности: «Национальность – это ничто. Главное – это вера. Человек сильный духом – вот что главное. Но священники, церкви – это чушь. Нет никаких посредников между Богом и человеком». Два других респондента из этого кластера подчеркивают важность уважительного отношения к любой религии: «...с терпимостью относиться к разным религиям»; «Я уважаю любой народ и религию». На наш взгляд, подобное отношение к религиозной вере весьма примечательно. Бог в религиозном сознании воплощает предельные смыслы бытия, максимальное выражение жизненной правды. И рассмотрение религии в качестве компонента национальной идентичности может привести к заключению абсолюта в национальные рамки, что, в свою очередь, ведет к сакрализации национального начала, усилению этноцентризма.

Стремление воплотить в себе качества национального идеала ведет к превращению национальной принадлежности человека из объективной данности (я – это представитель определённого народа) в субъектное начало личностно значимых поступков (я представляю свой народ): «Я, как и другие люди, представляю свою страну, а значит и свою семью, и свою национальность» (девушка, русская). В осознании себя субъектом этнокультурной традиции человек находит свободу личностного бытия и присущую такой свободе личную ответственность: «Быть русским – это ответственность перед самим собой». Такая ответственность рассматривает национальное достоинство как производное от личностных достоинств человека, их соответствие достоинству человека как Человека. На важность подобного соответствия указывают многие респонденты:

«Для меня же быть представителем моей национальности означает то, что я должен не позорить её каким-либо поступками» (юноша, русский); «...для меня быть русской означает не унижать в глазах окружающих мою нацию, чтобы о русских людях говорили хорошо»; «На себе я не раз чувствовала недоброжелательное отношение со стороны людей, но я всегда стараюсь разрушать стереотипы про мой народ на моем примере. Поэтому, узнав меня получше, люди начинают понимать, что нет плохих национальностей» (девушка, адыгейка); «Вести себя прилично, дабы не опорочить образ русской женщины. Стать хорошей женой и матерью, примером для подражания своим детям».

Субъектная позиция побуждает человека осознавать себя связующим звеном традиции: звеном, которое, подобно «замковому камню» в арке, удерживает в своём бытийном пространстве и не даёт распасться народному «было» и «есть»: «...не опозорить родителей, которые меня воспитали» (девушка, адыгейка) и народному «будет»: «Во мне сплелись две национальности совершенно противоположные. Быть их представителем – значит быть тем, на кого могут равняться дети» (девушка, национальность не указана). Ответов, содержащих непосредственное указание на рассмотренную выше субъектную позицию, сравнительно немного, и они более характерны для респондентов с высоким уровнем толерантности: всего 8 ответов, или 7,4%, против 2 ответов, или 3,1%, у респондентов с низким уровнем толерантности. Соответственно, толерантность оказывает определённое влияние и на личностно зрелую позицию человека в осмыслении этнокультурной идентичности.

Таким образом, герменевтический анализ результатов эмпирического исследования взаимосвязи особенностей самопонимания этнокультурной идентичности и толерантности студентов подтверждает гипотезу, согласно которой межэтническая толерантность является одним из главных условий осмысления человеком значимости своей принадлежности к этносу. В кластерах ответов респондентов с высоким и низким уровнями толерантности присутствуют схожие единицы контента, однако практически в каждой из них обнаружены существенные смысловые различия. Эти различия связаны с отношением человека к границам этничности, на которых, по мысли М. М. Бахтина, сосредоточена жизненная сила культуры [3, с. 282]. Именно граница оформляет смысловые позиции, которые могут разворачивать национальное самосознание к поиску всеобщих вершин человеческого духа или же, напротив, обособлять, отграничивать конкретные формы реального выражения этого духа. Также проведенный анализ показал гуманистический потенциал межэтнической толерантности, поскольку в этом контексте ценность конкретного человека превосходит значимость его национальных особенностей. Вместе с тем результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что толерантность не противоречит чувству национальной гордости и патриотизму, в котором многие респонденты видят источник духовности и человеческого достоинства. Более того, толерантность в контексте подобного чувства способствует выявлению в особенностях национальных форм культуры тех граней, которые определяют достоинство человека как такового.

Список литературы

1. Аполлонов И. А., Карнаушенко Л. В., Тучина О. Р. Этнокультурные нормы и ценности в формировании самопонимания молодежи. Краснодар, 2009. 286 с.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
3. Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Бахтин М. М. Собр. соч. М.: Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. 957 с.
4. Бибихин В. В. Язык философии. М.: Языки славянской культуры, 2002. 416 с.
5. Бромлей Ю. В. К вопросу о сущности этноса // Природа. 1970. № 2. С. 51-55.
6. Пивоваров Д. В. Духовность [Электронный ресурс] // Кемеров В. Философская энциклопедия. URL: <http://terme.ru/dictionary/183/word/duhovnost> (дата обращения: 27.07.2013).
7. Стёпин В. С. Философский анализ универсалий культуры // Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 8-15.
8. Тучина О. Р. Толерантность в контексте самопонимания этнокультурной идентичности (на материале исследования студенческой молодежи Кубани) // Социосфера. 2013. № 3. С. 100-103.
9. Шеллинг Ф. Философия искусства. СПб.: Алетейя, 1996. 496 с.

TOLERANCE ROLE IN ETHNO-CULTURAL IDENTITY SIGNIFICANCE COMPREHENSION (BY EXAMPLE OF POLY-ETHNIC REGION STUDENTS)

Apollonov Ivan Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Kuban State Technological University
obligo@yandex.ru

The article reveals tolerance influence on the man's understanding of his (her) belonging to the ethnic group. The conducted analysis of the results of the empirical research of students' ethno-cultural identity self-understanding peculiarities and tolerance interconnection showed significant sense differences in the answers clusters of respondents with high and low levels of tolerance. The revealed differences are determined by ethnicity limits comprehension, which may turn national self-consciousness to the search of human spirit general summits or isolate the concrete forms of this spirit expression. Man's value excels his (her) national peculiarities significance in inter-ethnic tolerance context. At the same time tolerance doesn't contradict national pride feeling and patriotism, but, on the contrary, reveals those aspects, which determine the dignity of the man per se in the national forms of culture.

Key words and phrases: tolerance; ethno-cultural identity; self-understanding; –social pregnancy”; cultural border; national pride; patriotism; spirituality.